

К ВОПРОСУ О РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА*

Ю. М. Пасовец

Курский государственный университет

Поступила в редакцию 26 декабря 2016 г.

Аннотация: в статье применительно к ситуации современного российского общества уточняется понятие региона как социальной общности и социокультурного сообщества в определенных административно-территориальных границах. Дается характеристика специфики и структуры регионального социального пространства в качестве категории анализа регионального измерения российского социума.

Ключевые слова: регион, социально-территориальная общность, региональное социальное пространство, российское общество.

Abstract: in the article the concept of the region as social community and sociocultural community in certain administrative-territorial borders is specified in relation to a situation of contemporary Russian society. The author characterizes specifics and structure of regional social space as category of the analysis of regional measurement of the Russian society.

Key words: region, social-territorial community, regional social space, Russian society.

В социально-территориальном плане современное российское общество является пространственно неоднородным, образованным системой регионов и макрорегионов, формирование и функционирование которых определяются спецификой административно-территориального деления, экономического районирования страны и существованием общности исторических, экономических и социокультурных связей между группами регионов [1]. Наряду с этим оно отличается сохранением существенной социально-экономической и социокультурной дифференциации между российскими регионами как субъектами Федерации, что характеризуется как пространственная асимметрия [2]. В этих условиях обеспечение сбалансированного характера развития регионов становится одной из ключевых задач социально-экономического развития российского общества [3, с. 205]. В связи с этим дальнейшее научное осмысление тенденций, проблем и перспектив социокультурной эволюции России в региональном измерении, а также развитие методологического и категориального аппарата социологии регионов будут способствовать решению актуальных задач пространственной динамики современной России.

Ключевым для характеристики регионального измерения российского общества является понятие региона, которое в современном научном знании и

практике социального управления употребляется для анализа не только внутригосударственного, но и межгосударственного и страноведческого уровней организации пространства [4, с. 4]. Исходя из этого, Р. Х. Симонян называет понятие региона универсальной категорией, применимой для обозначения как внутригосударственного, так и межгосударственного образования. В этом контексте регион понимается как определенное целостное социально-территориальное образование, представленное частью страны или группой стран и обладающее относительно устойчивыми географическими, экономическими, демографическими и социокультурными особенностями. Данный термин характеризует мезоуровень социальной жизни, роль которого связана со снятием противоречий между глобальными и локальными тенденциями. К числу глобальных тенденций в современном мире относятся интеграция стран, формирование глобальных экономических союзов, наднациональных институтов управления социальными процессами, стремление к унификации социальной жизни; к локальным – усиление дифференциации и фрагментарности социума, движение к культурному плюрализму, расширение локальных устремлений, приводящих к росту агрессивности в защите своего языка, культуры, истории. В этом плане мезоуровень социальной реальности позволяет адаптировать глобальные процессы к местным условиям и в то же время способствует сохранению социокультурной специфики локального сообщества. На мезоуровне социальной жизни в результате сопряжения макро- и микро-процессов происходит формирование региона, его выстраивание как сообщества [5, с. 52–55]. Результа-

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-03-00506а «Социокультурный потенциал модернизационных преобразований регионов Центрального Черноземья».

том взаимных переходов глобализации и локализации в определенных институтах на конкретных территориях выступает глокализация, связанная с переплетением и взаимодействием социально-институциональных и социально-территориальных агентов на уровне региона [6, с. 5–6].

В случае российского общества, отличающегося масштабностью территории и многовариантностью социально-территориальных образований, возникает необходимость обращения к анализу внутригосударственного уровня организации пространства и содержательного определения региона как социально-территориального сообщества, концептуализации его смысла применительно к российскому социуму.

В социологических исследованиях региональной проблематики современного российского общества понятие региона зачастую используется в двух смыслах:

– общетеоретическом, связанном с рассмотрением региона как части пространства (социального, социокультурного и др.);

– конкретно-практическом, когда за основу берется существующее административно-территориальное деление страны [7, с. 22].

В общетеоретическом смысле регион понимается как исторически сложившееся территориальное сообщество людей в составе большого общества, мезоуровень структуры и динамики общества, его социального пространства. В этом ракурсе проявляется специфика региона как социально-территориального сообщества с точки зрения характера социальных связей и отношений, отличающих совокупность социальных акторов, включенных в жизнедеятельность конкретного территориального образования [там же, с. 22–23].

Здесь отметим, что в русле такого понимания Г. Е. Зборовский выделяет ряд важных характеристик региона:

– территориальная организация совокупности социальных (социокультурных) общностей;

– создание ими своих жизненных миров;

– идентификация социальных общностей с регионом и воспроизводство территориальной идентичности региона;

– превращение его в асимметричное территориальное сообщество;

– взаимодействие в регионе глобальных и локальных тенденций [8, с. 15].

В. В. Маркин также подчеркивает роль региональной (социально-территориальной) идентификации как фактора социального моделирования регионов. При этом он отличает ее от социально-пространственной идентификации, понимая под социально-территориальной идентификацией принадлежность к общности жителей конкретного поселения (города,

села, поселка, при необходимости – его части), поселенческо-расселенческого образования (района, агломерации и т. п.), региона (области, края и т. п.) и оценку удовлетворенности своей жизнью на данной территории [9, с. 14].

В конкретно-практическом смысле рассматриваемого понятия раскрывается его управленческая составляющая, связанная с регулированием процессов и структур посредством административно-территориального деления страны. В этом плане создание регионов является инструментом максимально эффективного управления отдельной территорией, ее ресурсами (природными, социальными, культурными и др.). Согласно Конституции Российской Федерации, в состав России входят следующие субъекты Федерации: 22 национальные республики; 9 краев; 46 областей; 3 города федерального значения; 1 автономная область; 4 автономные округа. Регион как субъект Федерации может рассматриваться как территориальная единица не только политико-административной, но и экономической и социально-культурной структуры страны [7, с. 22–23].

Сочетание этих двух ракурсов (пространственного и управленческого) позволяет нам рассматривать регион как социальную общность и социокультурное сообщество в определенных административно-территориальных границах.

Для населения регион как социально-территориальное сообщество выступает в качестве мезосреды. Он выполняет по отношению к различным социальным акторам региона (жителям, социальным общностям, группам и др.) и обществу определенные функции. Как отмечает Н. И. Лапин, регион осуществляет социокультурные функции, которые отчасти аналогичны функциям общества, но вместе с тем и специфичны: жизнеобеспечивающую (функцию жизнеобеспечения), духовно-интегрирующую (функцию интеграции), статусно-дифференцирующую (функцию дифференциации), властно-регулирующую. Каждая функция реализуется через соответствующую регионально-функциональную структуру, которая представляет собой совокупность социальных институтов, организаций, общностей, природных и созданных человеком ресурсов. Динамика этой структуры выражается в виде взаимосвязанных процессов. Совокупность таких структур и их функций, преломляющихся в процессах, образует социокультурную среду жизнедеятельности человека и служит пространственной ячейкой общества как антропосоциетальной системы [7, с. 29–31].

Как мезоуровень социальной реальности регион оказывается социальной средой, которая предоставляет определенные возможности и в то же время в чем-то ограничивает социальных акторов и их действия. В этом плане регион со спецификой его со-

циально-экономического уклада, социальных структур и социокультурных характеристик задает конкретные социальные условия жизнедеятельности социальных акторов и тем самым формирует свой сегмент социального пространства в рамках социума.

С этой позиции ключевым оказывается вопрос о соотношении физического (как физической локальности или территории) и социального (как системы статусов и системы взаимодействий) пространства.

Здесь необходимо отметить, что в социологической науке концептуализация категории социального пространства произошла во второй половине XX в. и связана с субстанциалистской концепцией П. А. Сорокина и функционалистской концепцией П. Бурдьё. Социологическое осмысление феномена социального пространства и его теоретическая интерпретация осуществляются в нескольких направлениях. А. Б. Докторович выделяет два направления исследований социального пространства, связанных с рассмотрением поведения индивидов и социальных групп: с точки зрения их статуса в социальной структуре и с позиции особенностей их действий и взаимодействий с другими субъектами и окружающей средой [10, с. 28]. Определяя специфику социального пространства, Л. А. Беляева отмечает представленность в нем как структуры статусов социальных акторов, заданных совокупностью социальных позиций, так и системы взаимодействий этих акторов, обусловленных ценностями, интересами и социальными нормами [11, с. 33–34]. Осуществляя построение конструкта социального пространства в рамках социологической науки, А. Ф. Филиппов предлагает выделять три аспекта анализа данного феномена:

1) пространство взаимодействия социальных акторов, при этом различая видение этого ракурса пространства исследователем и его отражение и понимание участниками взаимодействия;

2) пространство (порядок) социальных позиций, которое структурируется социальными статусами социальных акторов;

3) разделение пространства на обозримое пространство, место расположения тел (или пространство как место) и большое пространство (или пространство как вместительность мест, а в случае невозможности его созерцания – пространство как идея) [12].

Ряд аспектов социального пространства как сферы взаимодействия социальных акторов рассмотрен Г. Зиммелем, И. Гофманом, Э. Гидденсом, П. Бурдьё, Я. Л. Морено и др. Значимый вклад в характеристику социального пространства как порядка социальных позиций внесли П. А. Сорокин, П. Бурдьё, М. Кастельс и др. Анализ пространства как места расположения тел уделяли внимание в своих работах Г. Зиммель, Р. Парк, Э. Гидденс, М. Кастельс и др. При этом в рамках последнего направления исследо-

ваний социального пространства внимание акцентируется на поиске соотношения между физическим и социальным пространством.

Вслед за многими классиками и современными представителями социологической науки следует признать нетождественность физического и социального пространства и их взаимосоотнесенность. Так, Г. Зиммель не отождествляет, но и не отрывает их друг от друга, называя совпадение социального пространства с территорией (местом) частным случаем общей закономерности. Пространство человека обусловлено распространённостью его влияния на других, его связями с окружающим миром [13, с. 412–413]. П. А. Сорокин разграничивает физическое и социальное пространство. Он подчеркивает, что в отличие от геометрического пространства, имеющего трехмерное измерение, социальное пространство является многомерным, что предполагает возможность выделения множественности пространств по различным критериям (экономическому, политическому, профессиональному) [14, с. 298–300]. По Т. Парсонсу, территориальная локализация является неотъемлемой составляющей социального действия, поэтому социальные отношения акторов связаны с их территориальным дислоцированием. Именно территориальная локализация обуславливает пространственную ограниченность диапазона социальных действий [15]. П. Бурдьё говорит о том, что положение индивида может быть определено как абсолютно – в измерении физического пространства как место, локализация, так и относительно – в измерении социального пространства как положение, ранг в порядке. При этом он понимает физическое пространство как социальную конструкцию и проекцию социального пространства. Соответственно социальное пространство может быть объективировано в физическом пространстве посредством его присвоения в соответствии с закрепленными социальными различиями. Более того, социальное пространство стремится к более полной и точной реализации в физическом пространстве [16, с. 49–54]. Э. Гидденс обращается к рассмотрению структуризации пространства посредством понятий локальности и регионализации. Термином «место действия», или «локальность», он обозначает пространство, обеспечивающее среду протекания взаимодействия. В представлении Э. Гидденса регионализация отражает как локализацию или установление местонахождения в пространстве, так и зонирование общепринятых социальных практик в пространстве-времени. Иными словами, локальности регионализированы, имеют зоны, отделенные друг от друга границами, «демаркационными линиями», «фронтами» [17, с. 185–190].

В контексте рассматриваемой проблематики, на наш взгляд, конструктивную попытку решения ди-

леммы соотнесения физического и социального пространства на уровне региона представляет собой понятие регионального социального пространства. С точки зрения социологии Г. Е. Зборовский определяет региональное социальное пространство как «определенный социум, обладающий сложной структурой, включающей в себя целый ряд элементов экономического (хозяйственного), политического, социокультурного, национально-этнического, языкового, религиозного и иного плана» [8, с. 16]. Данный автор соединяет в этом понятии две важные характеристики: физический аспект, связанный с регионом как территорией, и взаимодействие социальных общностей, осуществляющееся в рамках социального пространства. В региональное социальное пространство, по мнению Г. Е. Зборовского, включено все население региона; оно содержит в себе различные поля, выделяемые по аналогии с концепцией П. Бурдьё [там же, с. 17].

Р. Х. Симонян акцентирует такую особенность регионального социокультурного пространства, как его устойчивость «при определенных колебаниях и очертаниях государственных и административных границ». По его мнению, категория «региональное» дает возможность преодолеть изолированность локальных пространств, малых сообществ, создав новое социальное качество. В этом русле население региона предстает как целостность, обладающая выработанными на протяжении веков особыми формами симбиоза с природой, специфическими видами самообеспечения, общностью поведенческих черт, сложившихся в процессе адаптации людей в природной и социокультурной среде, что в совокупности обозначается как региональные особенности [5, с. 55–58].

Уточнить специфику регионального социального пространства как социальных условий для жизнедеятельности населения позволяет идея, высказанная Б. Верленом, о том, что физическое пространство обуславливает возможности и ограничения для социального действия. С позиции социальной географии он определяет социальное пространство как систему координат для материальных аспектов социальных действий. Эта система координат задает физические составляющие действия, а также проблемы и возможности для осуществления действия в физическом мире [18, с. 33–34].

Тем самым региональное социальное пространство следует рассматривать как социальную среду, соотнесенную с регионом как определенной территорией и представляющую систему статусов, действий и взаимодействий, социальных практик, заданную условиями этого региона. Оно детерминирует потенциальные возможности и ограничения деятельности социальных акторов, включенных в это пространство.

Региональное социальное пространство имеет свою структуру, заданную определенными сферами (областями). С позиции антропосоциетального и социокультурного подхода пространство региона, по мнению Н. И. Лапина и Л. А. Беляевой, представлено тремя ключевыми областями:

- 1) антропо-культурной сферой;
- 2) институционально-регулятивной сферой;
- 3) социально-экономической сферой.

Каждая из определяемых сфер региона как социокультурного пространства характеризуется своими направлениями и параметрами внутри них. Антропо-культурная сфера региона включает в себя такие ресурсы регионального развития, как население и поселения, социальное самочувствие населения, культурный потенциал и капитал населения. В рамках социально-экономической сферы региона проявляются уровень и качество жизни населения, специфика трудовой мотивации и экономической активности населения, социальная стратификация и мобильность. Институционально-регулятивная сфера региона включает в себя такие составляющие, как инновационная деятельность, правопорядок, государственное и муниципальное управление [19, с. 12].

Таким образом, при анализе регионального измерения современного российского общества регион можно рассматривать как социальную общность и социокультурное сообщество в определенных административно-территориальных границах, а региональное социальное пространство – как социальную среду, соотнесенную с регионом как с определенной территорией и представляющую систему статусов, действий и взаимодействий, социальных практик, заданную условиями этого региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пасовец Ю. М. Теоретико-методологические основания рассмотрения мезорегиона как объекта социологического анализа / Ю. М. Пасовец // Известия Волгоград. гос. техн. ун-та. Сер.: Проблемы социально-гуманитарного знания. – 2015. – № 7 (167). – Вып. 21. – С. 39–43.
2. Пасовец Ю. М. Пространственная асимметрия российского общества : социально-экономическое неравенство и социокультурная дифференциация регионов / Ю. М. Пасовец // Философские науки. – 2016. – № 4. – С. 58–69.
3. Доклад о состоянии фундаментальных наук Российской Федерации и о важнейших научных достижениях, полученных российскими учеными в 2014 г. / Рос. акад. наук. – М. : Наука, 2015. – 369 с.
4. Современный российский регион : оценка состояния и тенденции развития : монография / Е. В. Каргаполова [и др.]. – Волгоград : Волгоград. науч. изд-во, 2012. – 185 с.

5. Симонян Р. Х. Концепция мезоуровня применительно к региону / Р. Х. Симонян // Социологические исследования. – 2010. – № 5. – С. 51–61.
6. Горшков М. К. Региональная социология : социология регионов и социология в регионах / М. К. Горшков // Региональная социология в России : сб. материалов социол. исслед. / отв. ред. В. В. Маркин. – М. : Экслибрис-Пресс, 2007. – С. 5–7.
7. Регионы в России : социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / сост. и общ. ред. Н. И. Лапин, Л. А. Беляева ; Ин-т философии Рос. акад. наук, Центр изучения социокультурных изменений, Научно-координационный совет секции ФСПП ООИ РАН «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов». – М. : Academia, 2009. – 808 с.
8. Зборовский Г. Е. Региональное социальное пространство как социологический феномен / Г. Е. Зборовский // Социум и власть. – 2010. – № 4. – С. 11–20.
9. Региональная социология : проблемы консолидации социального пространства России / отв. ред. В. В. Маркин ; В. В. Маркин [и др.]. – М. : Новый хронограф, 2015. – 624 с.
10. Докторович А. Б. Поля социального пространства : социальные взаимодействия и отношения / А. Б. Докторович // Труд и социальные отношения. – 2010. – № 7. – С. 26–38.
11. Беляева Л. А. Социальное пространство : от теоретических построений к эмпирическому изучению / Л. А. Беляева // Философские науки. – 2012. – № 6. – С. 22–35.
12. Филиппов А. Ф. Элементарная социология пространства / А. Ф. Филиппов // Социологический журнал. – 1995. – № 1. – С. 45–69.
13. Зиммель Г. Избранное : в 2 т. Т. 2. Созерцание жизни / Г. Зиммель ; пер. М. И. Левиной и др. ; сост. С. Я. Левит, Л. В. Скворцов ; отв. ред. Л. Т. Мильская. – М. : Юристъ, 1996. – 607 с.
14. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / П. А. Сорокин ; пер. с англ. А. Ю. Согомонова и др. / общ. ред., сост. А. Ю. Согомонова. – М. : Политиздат, 1992. – 542 с.
15. Парсонс Т. О структуре социального действия : пер. с англ. / Т. Парсонс ; под общ. ред. В. Ф. Чесноковой и С. А. Белановского. – М. : Академический Проект, 2002. – 880 с.
16. Бурдьё П. Социология социального пространства / П. Бурдьё ; пер. с фр. Н. А. Шматко и др. ; отв. ред. пер. Н. А. Шматко. – М. : Ин-т экспериментальной социологии ; СПб. : Алетейя, 2007. – 288 с.
17. Гидденс Э. Устроение общества : очерк теории структуризации / Э. Гидденс ; пер. с англ. И. Тюриной. – 2-е изд. – М. : Академический Проект, 2005. – 528 с.
18. Верлен Б. Общество, действие и пространство. Альтернативная социальная география / Б. Верлен ; пер. с англ. С. П. Баньковской // Социологическое обозрение. – 2001. – Т. 1, № 2. – С. 26–47.
19. Лапин Н. И. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация-2010) / Н. И. Лапин, Л. А. Беляева ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2010. – 111 с.

Курский государственный университет
Пасовец Ю. М., кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и политологии
E-mail: yulia_pasovets@mail.ru
Тел.: 8-920-267-35-15

Kursk State University
Pasovets Yu. M., Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Sociology and Political Science Department
E-mail: yulia_pasovets@mail.ru
Tel.: 8-920-267-35-15